

МУЗЕЙ КАК УБЕЖИЩЕ

Зыкова Галина Владимировна,

доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, г. Москва.
E-mail: gzykova@mail.ru

MUSEUM AS A SANCTUARY

Zykova Galina Vladimirovna

PhD in Philology, Doctor habilitatus, Professor,
Lomonosov Moscow State University, Moscow
E-mail: gzykova@mail.ru

Аннотация. На основании отдельных документальных свидетельств высказывается предположение, что в 1960–1980-х гг. музеи нередко обеспечивали официальную социализацию для неконформистов и диссидентов.

Ключевые слова: 1960–1980-е гг.; неконформисты; диссиденты; музей-заповедник «Щельково»; музей-заповедник «Мураново»; музей-заповедник «Болдино»; ГЦТМ им. А. А. Бахрушина; музей-заповедник В. Д. Поленова; Всероссийское театральное общество; М. Е. Соковнин; Вс. Н. Некрасов; концептуализм.

Abstract. The suggestion based on some documentary evidence is made that in the 1960s–1980s museums often provided formal socialization for non-conformists and dissidents.

Keywords: 1960s–1980s; non-conformists; dissidents; memorial estate Shelykovo; memorial estate Muranovo; A.A. Bakhrushin state central theatre museum; memorial estate Polenovo; all-Russian theatrical society; M.E. Sokovnin; Vs.N. Nekrasov; conceptualism.

Истории музеев, конечно, пишутся, в первую очередь, как истории коллекций, а люди, в них работавшие, обсуждаются прежде всего как специалисты; социальная сторона деятельности музеев в отечественной историографии, насколько нам известно, еще не становилась предметом сколько-нибудь систематического изучения.

Отдельные и пока не систематизированные свидетельства указывают, что в 1960–1980-х гг. музеи, особенно расположенные в провинции, с большей степенью вероятности, чем другие культурные институции (учебные заведения, редакции, архивы),

оказывались «приютом» для людей искусства неконформистского типа, обеспечивая им тем самым, в частности, необходимое юридическое «прикрытие» (справку о занятости).

Строгого соответствия формальным требованиям при этом, кажется, не требовалось (Валерий Андреевич Расстригин вспоминает, как зимой 1967–1968 гг., придя вместе с М. Е. Соковниным в Бахрушинский музей в Москве, он читал там лекции о Чехове и Шалапине, не имея тогда еще и диплома о высшем образовании; сопоставимый либерализм проявило в семидесятых, например, Всероссийское театральное общество, оплачивая услуги Вс. Н. Некрасова как консультанта, в том числе приглашая его оценивать экспозицию музея в Щелькове).

Публично зафиксированные свидетельства об этой «социальной функции» позднесоветских музеев немногочисленны (хотя их всё еще можно собрать); в качестве одного из примеров укажем на рассказ О. Н. Купцовой о Щелькове семидесятых годов, времени директорства В. Н. Бочкова: «...У Виктора Николаевича была идея создать такой “монастырь культуры”: чтобы было гармоничное сочетание природы и творческого человека, свободное пространство, далеко от Москвы, далеко от начальства. “Попашешь — попишешь стихи”, буквально так. (Слова Маяковского приводит, рассказывая о работавшем в Щелькове К. И. Бабицком и А. В. Гладких [1].) И он набирал людей, разных, очень интересных; приехали москвичи, ленинградцы, белорусы, скрытые либо открытые диссиденты, для которых существование в официальном пространстве было <...> невозможно. В Щельково Бочков позвал и Константина Иосифовича Бабицкого, одного из тех, кто вышел на Красную площадь в 1968 году» [6, 184–185]. (Далее речь идет о конце этой своеобразной коммуны в 1978 г.: по доносу в музее «обнаружили» самиздат.)

С музеями — причем многочисленными и разными — была связана, например, «внешняя» сторона жизни писателя М. Е. Соковнина: он работал как лектор в ГЦТМ (Бахрушинском) с 1960 г. и, в сущности, до конца жизни (как штатный сотрудник до 1968 г.), а летом еще и в Щелькове (нам известно по крайней мере про два сезона, 1962 и 1969 гг.), в Болдине (о чем поэма-«предметник» «Суповый набор» 1968 г.), в Муранове, Поленове и, видимо, в Плесе (в июле 1969 г. писал Е. Касаткиной, что уволился из тамошнего музея — возможно, музея Левитана).

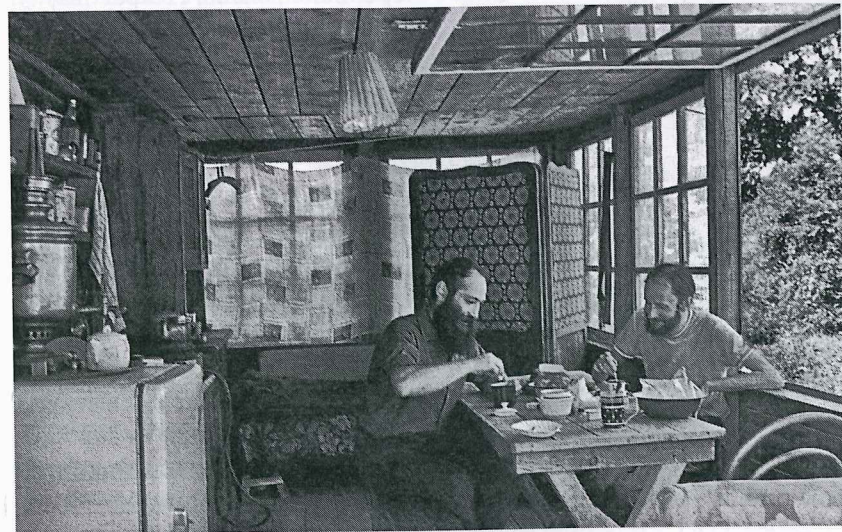
Воспоминания В. А. Расстригина рисуют картину дружеского сообщества, связанного, видимо, не узко профессиональными,

а общекультурными (при всей неточности этого определения) интересами; это сообщество делало возможным относительно свободное перемещение от музея к музею:

«В Болдине мы с Соковниным были вместе, летом 1967 года. С директором заповедника, Юдифью Израилевной Юдиной, у Соковнина были сложные отношения: они никак не могли решить, какие поэмы Пушкина можно назвать южными, а какие юношескими. По этому поводу были жуткие скандалы, перемирия... ужасно смешно. Жили мы с ним там в крепостной конторе, которая еще не была частью экспозиции. Хорошо жили, весело. Болдино кончилось, Мишка меня устроил на зиму в Бахрушинский музей... В Бахрушинский музей Миша позвал работать Наташу Грамолину (он с ней еще в Щелькове познакомился): Мураново тогда на ремонт было закрыто. После зимы в Бахрушинском — это уже через Наташины знакомства — мы поехали работать на лето 1968 в Поленово, тоже экскурсоводами, Федор Дмитриевич Поленов пригласил на сезон (летом 1969 года мы там тоже были). А осенью 1968-го Грамолина работала уже опять в Муранове, экскурсоводы им были нужны, нас позвали в Мураново, и я — без перерыва — сразу в Мураново поехал, где работал на всех должностях, даже директором два года...» (из интервью, в печати).

То, что Соковнин постоянно числился сотрудником именно ГЦТМ, запечатлен на многочисленных снимках в Щелькове, и то, что собственно «филологические работы», от него оставшиеся [4], все посвящены Островскому, провоцирует у исследователя рутинное предположение о специальном интересе писателя именно к театру и преимущественно к Островскому. Между тем воспоминания друзей этого не подтверждают; и к разговорам о своих лекциях в Бахрушинском и экскурсиях в заповедниках Соковнин, как можно понять, склонен не был. Музей воспринимался им, видимо, преимущественно как средство формальной социализации (ну и, конечно, как место, где встречались интересные люди).

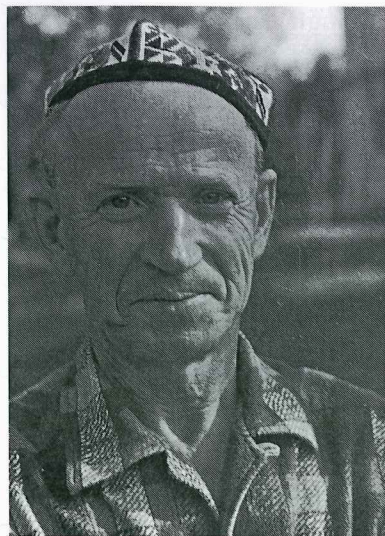
Однако к этой форме вынужденной социализации можно было отнестись и вполне всерьез. Друг Соковнина, Вс. Н. Некрасов, с середины семидесятых работал как консультант Всероссийского театрального общества, работал «для справки» и совсем небольших гонораров, но эта работа, отчасти вынужденная, помогла ему сформулировать некоторые важнейшие положения его собственной версии эстетики концептуализма. Вопреки иногда воспроизводимым упрощенным представлениям, концептуализм — по крайней

*В. А. Расстригин и М. Е. Соковнин в Муранове, 1968.
Фотография К. К. Доррендорфа*

*Ф. Д. Поленов (слева), Н. Н. Грамолина (в центре),
М. Е. Соковнин (справа), 1968 (1969?)
Фотография К. К. Доррендорфа*

Леонид Иванович Антропов
в Щелькове, 1969.
Фотография К. К. Доррендорфа

мере, в понимании Некрасова, — не предполагал ни отказа от представлений о художественном качестве, ни пренебрежительного отношения к искусству прошлого, напротив — в отличие от агрессивной партийности (эстетической, конечно) авангарда концептуализм был готов учитывать всякий удачный опыт (по крайней мере, готов теоретически). Поэтому музей в некоторых высказываниях Некрасова, особенно восьмидесятых годов, может выступать как идеальный образ правильного хода дел, место встречи традиции и современного искусства. Современное искусство — это, например, художник-оформитель, фигура для Некрасова вовсе не служебная

(о правах и возможностях такого художника см., например, в тексте Вс. Некрасова и А. И. Журавлевой 1985 г. про новую экспозицию театрального музея в Щелькове [2]).

«Работа раскапывания, оживления, реабилитации, непрерывного доказывания своим искусством *невторосортности*... старины... Интерес к музейности, музейной, почтенной культуре — должен воспитывать преемственность, интерес к культуре живой, способность к ее творческому восприятию и участию в ней...» [3]. «Музейность» Некрасов признает одной из важнейших и лучших черт русской культуры с шестидесятых годов начиная: «...За последние тридцать лет идет явный процесс... раскопок, открытия живой старины, жизни прежней России», и «второму авангарду» это не мешает и не противоречит.

Приведенные слова — из текста (1989), где такое отношение к музею выразилось, пожалуй, наиболее отчетливым и развернутым образом: там обсуждается высказанная кинешемским режиссером В. А. Баландиным идея создания «музейного театра», т. е. театра, не только использующего старинный репертуар, но и реанимирующего старую манеру игры (что бы это ни значило). Для Некрасова «театр всегда — живой музей»: «Мы имеем в виду... коллекцию

ролей, каких-то выигрышных, любимых мест, “номеров”, которая накапливается у каждого актера... кладовые конкретного опыта, запасы... актерских удач... уже имеющаяся налицо реальность, реальный материал...».

Список литературы

1. *Гладких А. В.* Из воспоминаний о коллегах // Московский лингвистический журнал. 2006. Т. 9. № 1. С. 82–106.
2. *Журавлева А. И., Некрасов В. Н.* Отчет о командировке в музей-заповедник А. Н. Островского «Щельково» 27–30 сентября 1985 г. URL: <http://vsevolod-nekrasov.ru/Raboty-A.I.ZHuravlevoj-i-V.N.Nekrasova-dlya-VTO/Otchet-A.-I.-ZHuravlevoj-i-V.-N.-Nekrasova-o-komandirovke-v-muzej-zapovednik-A.-N.-Ostrovskogo-SCHelykovo-27-30-sentyabrya-1985-g> (дата обращения: 07.05.2017).
3. *Журавлева А. И., Некрасов В. Н.* Впечатления от Всероссийского фестиваля лучших спектаклей по пьесам Островского, Кинешма. URL: <http://vsevolod-nekrasov.ru/Raboty-A.I.ZHuravlevoj-i-V.N.Nekrasova-dlya-VTO/Vpechatleniya-ot-Vserossijskogo-festivalya-luchshih-spektaklej-po-p-iesam-Ostrovskogo-Kineshma> (дата обращения: 07.05.2017).
4. *Соковнин М. Е.* Комментарий к комедии А. Н. Островского «Невольницы» (структура пьесы, сценическая история) // Русская драма и литературный процесс: К 75-летию А. И. Журавлевой. М.: Совпадение, 2013. С.120–143.
5. *Соковнин М. Е.* «Гроза» Островского в театре Маяковского. Возобновление // Русская драма и литературный процесс: К 75-летию А. И. Журавлевой. М.: Совпадение, 2013. С.144–148.
6. *Купцова О. Н.* О ВТО и Щелькове семидесятых годов (интервью Г. В. Зыковой) // Русская драма и литературный процесс: К 75-летию А. И. Журавлевой. М.: Совпадение, 2013. С.177–190.